

Рис. В. ГОРЯЕВА

ЕДИНОЙ ШЕРЕНГОЙ

- Товарищи, я ищу колонну строителей!
- Становитесь в любую: тут все строители... будущего.

К Р О К О Д И Л

№ 12 (1338) МОСКВА 30 АПРЕЛЯ 1953

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЭТИХ СЛОВ ВЕЛИЧИЕ И СЛАВУ
НИКАКИЕ ГОДЫ НЕ СОТРУТ...

Интервью с дедом Самусенком

Барон Искуль, прощелыга и мот, был когда-то владельцем озера Дрисвяты. Хотя барон выпивал за день не более стакана воды (аристократ предпочитал водочные изделия), он не любил делить воды своего озера с посторонними.

— Запечатал барон наши Дрисвяты! — говорили местные крестьяне — белорусы, латыши, литовцы и поляки, — прибавляя к этому не совсем изысканные выражения на четырёх языках. В конце концов барон пропил водохранилище. Однако на берегах Дрисвят ничего не изменилось. Окончательные перемены пришли тогда, когда бароны исчезли из Прибалтики. Хозяевами озера сделали крестьяне. И одним из хозяев стал дед Самусенок, невысокий, розовощёкий старик с весёлыми глазами.

Однажды дед Самусенок встретил знакомого рыбака и сказал ему:

— Ей богу, не распечатали мы ещё по-настоящему наше озеро!

— Ну, это уж ты, дед, зря, — сказал рыбак. — Рыбу мы ловим?

— Ловим.

— Воду пьём?

— Пьём.

— Чего ж твоя беспокойная душа ещё требует?

— Электричества.

— Ишь, куда метнул! Барон — и тот без света сидел!

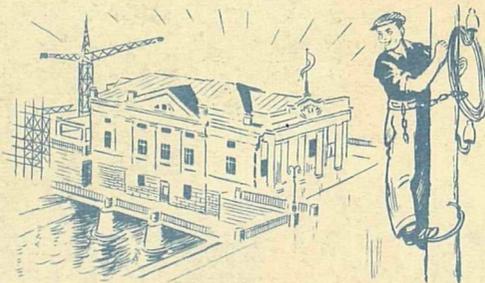
— А мне начхать на барона! По трудностям, может, я сам что ни есть первейший колхозный барон. Нет, непременно здесь надо станцию соорудить!

После этой приватной беседы двух рядовых колхозников произошли знаменательные события. Голубая мечта деду обернулась явью с удивительной быстротой.

И вот мы в Дрисвятах, старом белорусском селе, что расположилось на стыке границ Белоруссии, Латвии и Литвы.

Перед нами строительная площадка. Над бывшим баронским водоёмом стоит индустриальный гул. На берегу, где разногласно переключаются моторы и механизмы, высится уже выведенное под крышу здание межколхозной гидроэлектростанции.

Стройка подходит к концу. Она вступила в тот тревожно-радостный период, когда похудевшие руководители начинают поговаривать о речах и трубачах. Чьей речью открывать торжественный митинг? Кому первому включить рубильник? Где достать трубачей?

Глядя на этот неожиданный для старых Дрисвят индустриальный пейзаж, нам захотелось проинтервьюировать одного из виновников будущего торжества — деду Самусенку.

К семидесятипятилетнему колхозному деду братья-журналисты протоптали большую тропу. Видимо, поэтому он встретил нас так, будто всю жизнь давал интервью и устраивал в своей избе пресс-конференции.

— Очень рад вас видеть, — сказал Михаил Иванович. — Знакомьтесь, моя жена Фросения Самусенок. Садитесь. А вы из печатного органа? Районного? Областного? Или, быть может, вы фотограф из самого «Огонька»?

— Из Крокодила.

— Тоже неплохо. Вы насчёт электростанции?

— Да, нам хотелось поговорить с вами — с одним из инициаторов этого строительства...

— Стоп! — сказал дед. — Ошибка!

— Какая ошибка?

— Я не инициатор.

— То есть как?

— А так.

Рис. Бориса ЛЕО

— А в печати сообщалось, что именно вы...
 — Не, не я!
 — Позвольте, с рыбаком из колхоза имени Молотова вы разговаривали?
 — Беседовал.
 — Мысль о строительстве у вас возникла?
 — Не, ошибка.
 — Кто же инициатор?
 — Нарушители.
 — Какие нарушители?
 — Нарушители границы, — сказал дед и выдержал солидную паузу.

— Ну, к чему такие шутки! — сказала жена деда.
 Вдоволь насладившись произведённым эффектом, Михаил Иванович продолжал:

— Восьмого июня прошлого года три тысячи колхозников нарушили границы Литвы, Белоруссии и Латвии. И собрались эти нарушители, дай бог им здоровья, у нашего синего озера и порешили сообща заложить электростанцию под названием «Дружба народов». Они и инициаторы. Понятно?

— Понятно.
 — Заложили станцию и строят. Уже кончают. А почему? Потому что сила у них большая. А в чём она? В дружбе! Так я говорю, Фросения?

— Правильно.
 — А ведь и в моей семье дружба народов. Я белорус, она полячка. Всю жизнь, можно сказать, прожили без спора и раздора. Правду я говорю, Фросения?

— Человеку это неинтересно. Человек к тебе за делом приехал, а у тебя одни шутки!

— А может, его дело такое — шутки шутить!

— Выдумывай! Таких дел не бывает!

— Видите, товарищ корреспондент, вот мне и попало! Выходит, я же пострадавший. Только вы не тревожьтесь, мы помиримся.

— И что с ним стало, не пойму! — сказала жена деда, делая суровое лицо. — Раньше был он мужчина солидный, строгий, а теперь, на старости лет, развеселился человек!..

— А может, мне весело. Чего ж мне плакать? Пусть наши вороги плачут, дышло им в бок. Так я говорю? А вы, товарищ, приезжайте к нам на открытие гидростанции. Вот когда будет весело! — Дед подмигнул и уже официально добавил: — Имеются ко мне ещё какие вопросы?

— Вы бы рассказали, как здесь люди раньше жили?

— А что рассказывать? Жили-тужили, бедовали-горевали, — словом, как в песне поётся. Вы песню про нашу электростанцию слышали?

Дед, видимо, говорил о песне белорусского поэта Петруся Бровки. Мы услышали конец этой песни, когда возвращались от Самусенка. Чей-то молодой голос весело выводил:

А теперь другое дело:
 Счёты свёл народ с врагами,
 И работа закипела,
 Гул стоит над берегами.
 И работают соседи, —
 Можно только подивиться:
 Кто с песком, кто с камнем едет,
 Кто подвозит черепицу,
 Кто в лесу на заготовке,
 Кто с машин сгружает грузы...
 Строят дружно ГЭС литовцы,
 Латыши и белорусы.
 Позабыв свои невзгоды,
 Жить они, как братья, стали.
 Вечной дружбой народов
 Гидростанцию назвали.

И в такт этой песне весело шагают через границы трёх республик новенькие, ещё не успевшие потемнеть столбы линии электропередачи, которая принесёт и латышам, и литовцам, и белорусам свет их чудесной дружбы.

С. ШАТРОВ,

специальный корреспондент Крокодила.

с. Дрисвяты.

— В каком, собственно, году мы живём, Джим! Я совсем запутался...

У Т Р Е М

Нет,
Марите спать не хочет,
Песню слушает
чуть свет:
«Ой, сады,
сады-садочки,—
То цветут они,
то нет...»
Рада
солнечной погоде,
Думает:
«Вставать пора.
Кто здесь ходит?
Кто здесь бродит?
Кто заводит песнь
с утра?
Кто поёт?»
Ей интересно.
Выглянула из окна.
Разве ноги есть
у песни?
Разве ходит песнь
одна?

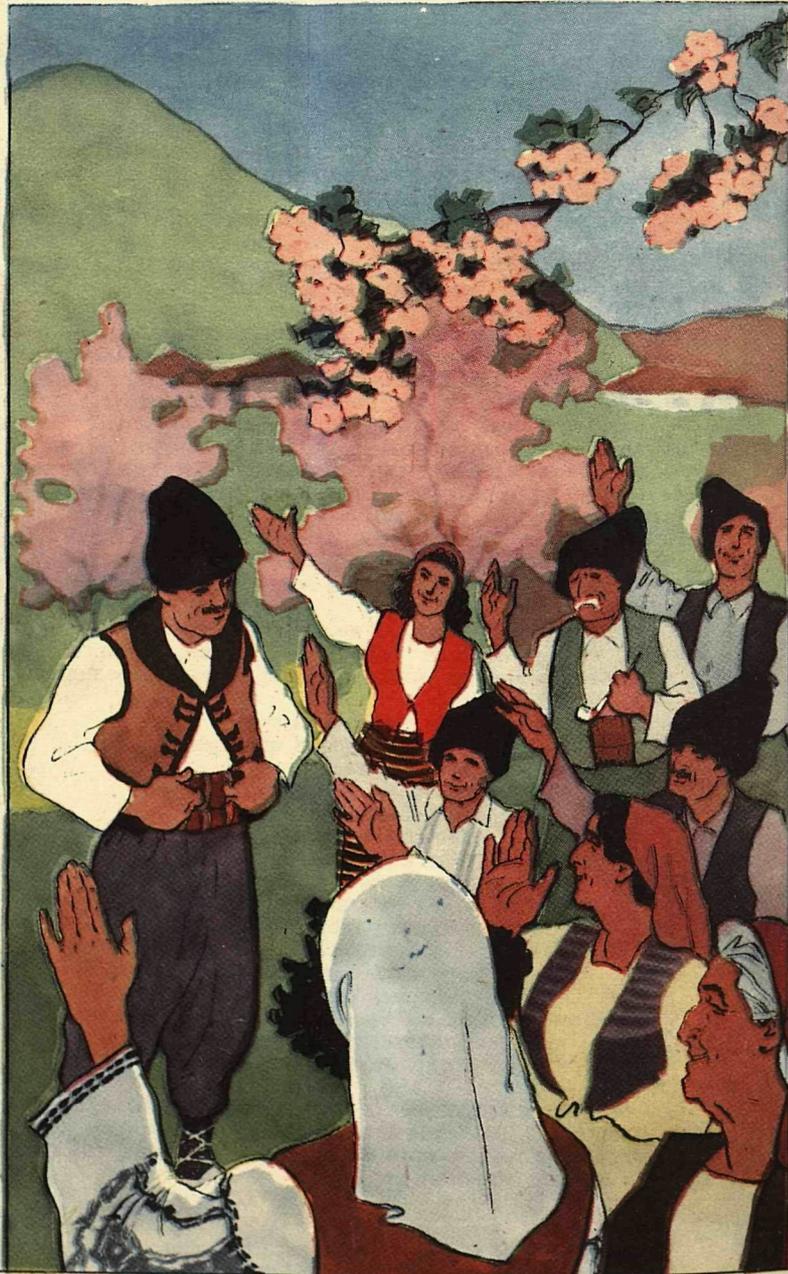
Девушка
метнулась в сени,
Все обшарила углы.
Видит только:
день весенний,
Яблонь белые стволы.

Кто поёт?
А вдруг на крыше
Примостился тот певец?
Взгляд Марите —
выше, выше;
Увидала наконец!
Он с отвёрткой —
ясноглазый,
С проводами —
озорной.
Вот по крышам бы не лазал,
Был бы парень
недурной!
Говорит ему
Марите
(Голос нежен,
серебрист):
— Что за песня?
Помолчите,
Уважаемый солист!
Он смеётся,
круглолицый:
— Песнь для вас
всегда одна:

КАК ОТПАЛА НУЖДА В ПЕРЕВОДЧИКЕ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

С огромным желанием массы трудящихся стран народной демократии изучают русский язык.

— Товарищ из Советского Союза хочет побеседовать с вами.
Кто сможет быть переводчиком!

ФОТО
ателье
КРОКОДИЛА

Рисунки
В. ЕФИМОВА.

— Сделайте
веселое лицо,
вы не в Театре
сатиры!

«Ну и девушки,
девицы,
Все гуляют допоздна...»
— Что сказал?
— Гуляла, видно,
Целовалась до зари...
— А тебе-то что,
завидно?
— Нет, нисколько!
— Говори,
Что здесь делаешь? —
Сурово
Глянула ему в глаза.
— Ничего тебе плохого
Я не сделал,
егоза...
На рассвете
влез на крышу,
Влез
и провода тяну...
Ты чего таишься?
Вижу:
Целовалась —
ну и ну...
— Лжешь! Зачем меня обидел?!
Ну, а парень ей в ответ:
— Мы проверим,
мы увидим,
Как дадим
на свадьбу свет!
Ты теперь мне петь позволишь?
Пусть услышит
всё село:
Я желаю
одного лишь,
Чтоб жилось тебе
светло...
— Как к монтеру
есть доверье,
А у лжи
низка цена...—
И, сердито хлопнув дверью,
К зеркалу бежит она.
Парень брови
гневно поднял,
Под бровями —
вспышки гроз.
— Не до шуток ей
сегодня,
Завтра всё скажу всерьёз!

И запел он,
круглолицый,
Про сады,
про вешний цвет:
«Что за девушки,
девицы!
Когда любят,
когда нет...»
Если б глянул
на мгновенье,
Увидал бы,
что она
На него
в немом смущенье
Долго смотрит
из окна.

Перевёл с литовского
Л. ОЗЕРОВ.

Вильнюс.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

В окрестностях Пекина создана новая крупная
машинно-тракторная станция.

— Не беспокойтесь, меня уже сняли.

ЕЩЕ ОДНА СТАНЦИЯ НА ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ.

Соперники

Ранним утром, не сказав никому ни слова, Панас Трофимович ушёл в степь и долго бродил там, наблюдая за приметам дружной весны. Когда он вернулся, поздравил к себе бригадира Поцелуйко и тайно шепнул ему:

— Живности в степи уйма! И осы и муравьи пробудились. А цветы щёткой прут из земли. Завтра вывезу...

С вечера подобрал он опытного шофёра, выстлал соломой кузов новенькой трёхтонки и на заре перебрал пасеку к садам соседнего совхоза.

Спустя неделю заехал к нему Поцелуйко, в бригаде которого числилась пасека. Он лихо соскочил с мотоцикла, откатил его в канаву и поздоровался с пасечником.

— Ну как, Панас Трофимович, обставим в этом году «Новую криницу»? Мы ж, не забудьте, договор на три года заключили.

— Скажем «гоп», когда перескочим, — уклончиво ответил старик и тут же спросил: — А кто у криничан пасеку теперь смотрит? Дед Мусиенко отвоёввался, царство ему небесное...

— Хо! Нового специалиста назначили, — насмешливо произнёс Поцелуйко. — Стёпку Шалобая. Знаете? В Майкопе курсы окончил. Так что имеем полные шансы убить медведя...

— Ишь ты, охотник какой! Это Саввы Шалобая сын? Бедовый паренёк. На гонках-то он, кажись, нос тебе утёр, — беззлобно рассмеялся пасечник.

Поцелуйко выпрямился и сердито нахмурил брови:

— Гонки, старина, — дело любительское. А вот я... Мы ему по производственной части очки вставим.

— Такую пасеку Мусиенко выпестовал, а её хлопчику поручают! — сокрушался Панас Трофимович, не слушая Поцелуйко.

— Он, между прочим, тоже к садам собирается ульи перевозить. Так вы ж, Панас Трофимович, того... Никаких, так сказать, ни советов, ни приветов. А то — знаю вас — любите поучать, не удержишь. Раз соревнуемся, пускай самолично мозгами шевелит.

— Да, задача!.. — с ехидцей протянул пасечник.

Утром Панас Трофимович вышел на пригорок понаблюдать за облётом пчёл. На рыжих от сухостоя курганах ещё гуще выпали золотистые блёстки гусяного лука. Тёплый ветерок вольно стекал в балочки, теребя кусты тёрна с набухшими цветочными почками.

За посадкой вразброс стояли голубые ульи колхоза «Новая криница». Панас Трофимович снова вспомнил о Мусиенко и тяжело вздохнул. Ему захотелось взглянуть, умело ли распорядится новый пасечник.

Стёпа Шалобай — чопорный юноша с пышным блондинистым чубом — стоял у вагончика и вяло перелистывал «Справочник пчеловода». Он вздрогнул от неожиданного голоса, но сразу же просиял лицом и подал Панасу Трофимовичу тёплую руку.

— По следам, что ли, нашёл, репей? — уязвил его Панас Трофимович.

— Наш председатель посоветовал. Ты, говорит, держись за Панаса Трофимовича... Не пропадёшь...

— Ишь ты! А гнильца, случайно, ты не привёз?

— Да вроде нет.

— Вроде! А ты проверь. Сумеешь?

— Конечно! Тут всё есть. — Стёпа указал на справочник, открыл оглавление и быстро перелистал страницы. — Вот, пожалуйста: «Гнилец... злокачественный...»

— Ну, ты вот что, малый, — перебил его Панас Трофимович. — Книжечку свою закрой. Там, может, подробности и не описаны. А так проверь гнильца: отпечатай на выбор личинки и понюхай. Шибанёт в нос столярным клеем, — зови меня...

— Спасибо, так и сделаю. А вот насчёт расстановки хотелось спросить. Я думаю...

— Э, нет! — оборвал его старик, вспомнив строгий наказ бригадира. — Тут я не советчик. Сам думай и сам расставляй. А то к осени прогоришь — и на меня кивать будешь.

Отойдя с полверсты, Панас Трофимович всё же остановился и определил, что пасека «Новой криницы» будет стоять совсем не на месте. Он пошёл было дальше, но вдруг вернулся и подошёл к Шалобая.

— Серников забыл позычить у тебя, — сбивчиво проговорил он, доставая из кармана кисет. Но вместе с кисетом старик зацепил нечаянно гремевшую в кармане коробку со спичками, которая предательски упала к его ногам. — Тьфу ты, грех! Нашлась пропажа.

Поддав смущение, он откровенно поведал то, из-за чего вернулся:

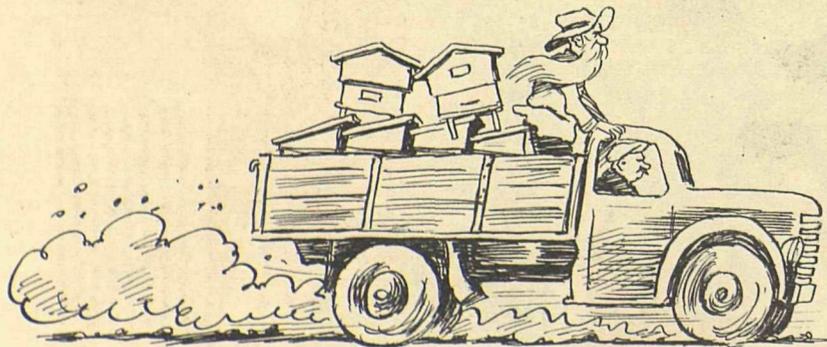
— Ты вот что, чубатый: валяй в станицу да пригони подводу. Пасеку твою на ту сторону посадки переместить нужно. Вон к той балочке. Скажу, почему, слушай. До июля пчёлы будут летать на сады и на бахчи беспрепятственно. А вот с июля как, когда подсолнухи зацветут? Ты карту севооборота смотрел?

— Не успел, Панас Трофимович.

— Вот то-то же... Подсолнечный массив совхоза «Хуторок» по ту сторону посадки лежит. Значит, пчёлы должны через неё летать. Так? А посадка в это время — смертельная ловушка для пчёл.

— Не позорьтесь, держитесь естественнее!

— Почему?

— А вот, дорогой курсант, почему: тут будут тысячи прожорливых сорокопутов... Да ещё молодь у них подрастёт. Они ж и половины пчёл тебе не оставят...

Утром зашёл Стёпа. Он восторженно сообщил о том, что пасеку уже перевезли, и передал благодарность от председателя.

— Человеку добро делаешь, а он тебя в яму! — гневно произнёс Панас Трофимович.

— В какую яму? — недоумевал Стёпа.

— Да Поцелуйко узнает, живьём меня съест. То-то молодость, душа нараспашку... Ты говори, что сам додумался пасеку переставить.

Минут через десять Панас Трофимович успокоился и, провожая соседа, рассказывал ему:

— Площадка-то у нас — лучше желать нельзя! А знаешь, почему?

— Нет, — откровенно признался Стёпа.

— Опять председателю скажешь!.. Не говори... Никому не говори... Расчёт у меня такой. Отойдут первоцветы — сады белым полем вспыхнут. Потом акация — вон сколько её вокруг виноградников! Бахчи, подсолнухи — всё под рукой. Тут важно севооборот знать... Одним словом, конвейер!

Они незаметно подошли к пасеке. Три женщины в подоткнутых клетчатых юбках разравнивали точки для ульев.

— Как ты думаешь поставить пасеку? — спросил Панас Трофимович.

— А вот сейчас... В справочнике типовая схема есть, — Стёпа вынес книгу и принялся отыскивать схему расстановки ульев. — «Рекомендуется... Рекомендуется...» — читал он.

— Рекомендуется, хлопец, на курсах отлично учиться, а не байдуки бить, — гневно покосился Панас Трофимович на выпавшие из книги вскрытые письма. — В Майкопе, говорят, из кино не вылезал, краю нашёл. Ишь, как чуб распушил, будто кочет!..

Стёпа покраснел, поднял с земли розовые маленькие конверты и, скомкав их, спрятал в карман.

— Ну, ладно: я и сам в молодости неукротим был, — примирительно улыбнулся старик. — Евангелие своё спрячь... Расставляй ульи лётками к саду, это как раз на юго-восток будет. Видел, как у меня? Ну и наклон, конечно, наперёд трошки сделай — для стока воды. Вот так, бери-ка...

В стороне послышался пронзительный свист. Стёпа и Панас Трофимович обернулись. На кургане стоял Поцелуйко и грозно размахивал кулаком.

— Я вам что приказывал?! Почему своих пчёл на производ бросаете? Сегодня же пожалуюсь товарищу Палийчуку! — кричал он, рысью сбегая с кургана.

— Да остынь чуток... Я ж за серниками к Стёпе ходил, — хитрил Панас Трофимович, улыбаясь добрыми серыми глазами.

— Ей богу, председателю расскажу!

— Что ж, и опыта передавать нельзя? Ты ж сам на собрании говорил об этом, — мягко напомнил ему Панас Трофимович.

— Богатое у нас нынче первомайское оформление. Зелень на славу!

— Стёпка и без нашего опыта обойдётся! У Стёпки своя голова на плечах, — горячился Поцелуйко.

Он долго осматривал свою пасеку, намереваясь, видимо, придраться к чему-либо, но никакой зацепки не нашлось, и бригадир уехал, пообещав совершать неожиданные налёты.

Вечером, когда зашло солнце и глубокое небо отливало чистым акваарином, пришёл Стёпа.

— Ну, голубок, шабаш! Орудуй теперь самостоятельно. Какую я проборку из-за тебя получил! Палийчуку собирается доложить. А это ой какой строгий человек! Но смотри: загубишь пасеку, на весь район осрамлю.

Стёпа молчал, растерянно опустив глаза. От него густо чадило тройным одеколоном.

— В станицу собрался? Ишь, надушился как — за версту слышно! Ты этот одеколон убери с пасеки: девчатам, может, и нравится, а пчёлы не любят... Ну, а контрольный поставил? Как я говорил?.. Пойдём, провожу до посадки.

Пока шли, наткнувшись на невидимые кочки, Панас Трофимович подробно рассказал о том, как нужно подготовиться к предстоящей качке мёда.

На исходе июля контрольный улей на пасеке Панаса Трофимовича показывал прибавку в сорок семь килограммов. А на пасе-

ке колхоза «Новая криница» такой же улей показывал сорок шесть.

Узнав об этом, бригадир Поцелуйко опять разгневался и разразился бранью:

— Не верю, чтобы сам Шалобай такого порядка на пасеке добился! Это вы ему помогли. Вот обставит нашу пасеку — и прощай премия! Председатель покажет вам, где раки зимуют!

А через несколько дней Поцелуйко привёз на пасеку председателя колхоза Палийчука.

Панас Трофимович струсил немного, хотя показатели у него были лучше прошлого года. И особенно сбил его с толку первый вопрос председателя:

— Про ваши успехи знаю, Панас Трофимович. А вот как дела у соседа, у Шалобая? Вы ему помогаете?

Панас Трофимович посмотрел на Поцелуйко, вытер ладонью мокрый лоб и откровенно признался:

— Помогаю, товарищ Палийчук... Каждый день помогаю. Мальчишку ведь поставили. А пасека-то какая! Покойный Мусиенко, пухом ему земля, всю душу вложил. Жалко загубить такую пасеку! Сколько трудовых людей без мёда останется!

Панас Трофимович тяжело вздохнул, ожидая, что председатель и бригадир устроят ему сейчас хорошую головомойку.

Но рослый, с орлиным профилем Палийчук одобрительно кивнул головой и сказал просто:

— Хорошо! Вы же соревнуетесь с Шалобаем. А взаимопомощь для соревнования — воздух. А ещё потому хорошо, Панас Трофимович, что вы помогли уберечь нашу пасеку.

— Как нашу? — удивлённо спросил пасечник.

— С осени будем объединяться с «Новой криницей». Колхозники требуют.

Поцелуйко дружески подхватил Панаса Трофимовича под руку и рывком потащил его вперёд.

— Да, да, папаша. В станице один колхоз будет и пасека одна. А теперь покажите-ка, пожалуйста, руководству ваше отличное хозяйство, — заискивающе трещал бригадир, боясь, видимо, того, что Панас Трофимович откроет невзначай его тайну.

— Ничего не получается: уж очень неясно ваше лицо...

Весенняя смесь

Рис. И. СЕМЕНОВА

ЭВОЛЮЦИЯ
[1947—1950]

К НОВОМУ СПОРТИВНОМУ СЕЗОНУ ЖЕЛАЕМ:

Рис. Ю. УЗВЯКОВА

Эти ворота гостеприимно раскрыть,

а эти закрыть наглухо.

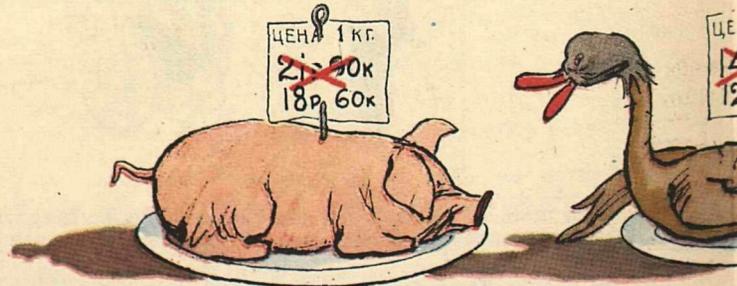
ПОДХАЛИМ НА ВЫСОТЕ

Рис. Л. ГЕНЧА

— Ты чего глаза закрываешь!..
— Боюсь, как бы наш директор не подумал, что я смотрю свысока!

Рис. Е. ГОРОХОВА

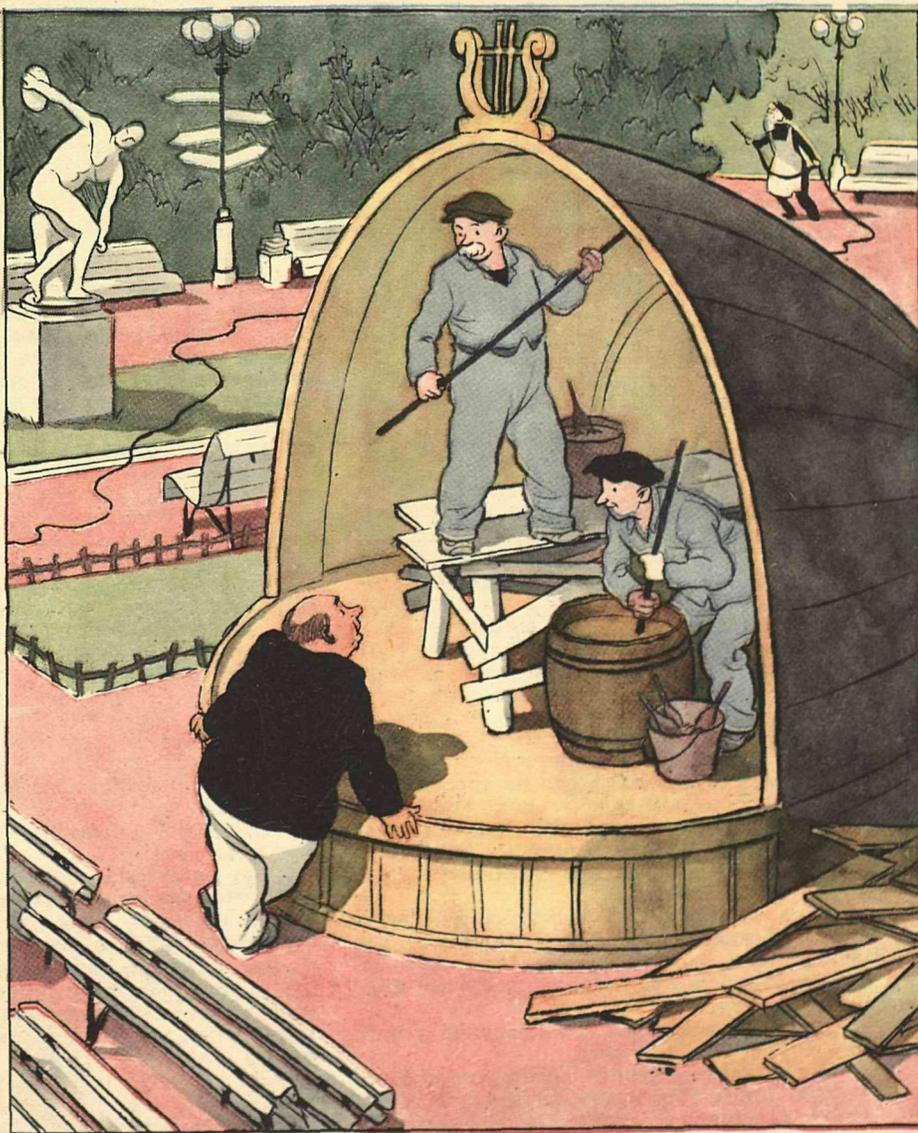

— Итак, на наше прошлое поставили крест...

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

СЕЗОННОЕ...

— Хорошо, если бы вы могли мне заодно и репертуар подновить...

Читали вслух «Ромео и Джульетту»...
Когда прочитан был последний стих,
Главреж, пушинку отряхнув с жилета,
Заговорил, косясь на молодых:

— М-да... Пьеса — клад для юных
дебютантов,
И долг наш — дать дорогу молодым...
Но, кроме вдохновенья и таланта,
Ещё и стаж... гм... гм... необходим.
Вопрос серьёзный. Как бы не прохлопать!
Вот Марья Львовна, хоть вошла в лета,
Но для Джульетты многолетний опыт —
Весьма небезполезная черта!
А Пётр Лукич... Чем не Ромео, скажем?
Хоть он с брюшком, но говорю в глаза:
С одним его сорокалетним стажем
На сцене можно делать чудеса!
Конечно, я имею на примете
И несколько ролей для молодых...
Не беспокойтесь. Мы пристроим их.
Ведь есть же слуги в доме Капулетти!

Промчались годы, и вошли в лета
Те, что считались юными когда-то.
У них заметно выросла зарплата,
Их лица округлила полнота.
Теперь они имели, безусловно,
И стаж, и опыт, и авторитет,
И те же связи (это не секрет),
Что в прошлом Пётр Лукич и Марья
Львовна.

Читали вновь «Ромео и Джульетту».
Когда прочитан был последний стих,
Старик-главреж, который был при этом,
Сказал, косясь на самых молодых:
— Давно пора нам, откровенно скажем,
На сцену дать дорогу молодым...
Но есть у нас товарищи со стажем,—
Кому ж играть героев, как не им?
Конечно, мы учтём и молодых,
Не кто иной, как мы, за них в ответе...
Найдётся работёнка и для них:
Ведь есть же слуги в доме Капулетти!

Премьера шла. Ни краски, ни наряд
Не скрыли возраста Джульетты-львицы.
Когда толстяк Ромео крался в сад,
Предательски трещали половицы...
Костёр страстей, едва затлев, потух.
Любовники не вызвали участия.
А молодые... всё играли слуг
С присущей юным неподдельной страстью.

* * *

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте!

г. Киев.

Рис. Ю. ГАНФА

— Безобразие! Вы уверяли, что у вас чуть ли не сплошная безграмотность, а на всех стенах надписи!

— И без Филькина портрет Филькина ясен: ротозей...

В Милане Виржилио Роффи слыл ассом среди журналистов. И не случайно хозяева крупной «независимой» газеты решили затратить пару миллионов лир, чтобы именно его послать специальным корреспондентом в Советский Союз.

Когда Роффи получил советскую визу, он не смог удержаться от соблазна похвастать перед своими коллегами и друзьями. Обнаружив на его паспорте штамп с разрешением на въезд в СССР, коллеги разволновались: «Теперь смотри в оба, Виржилио!» Друзья же намекнули, что в России есть страшная Сибирь... В последний вечер, прощаясь с ним в кафе, коллеги скорбно вспоминали, что Роффи написал немало сенсационных статей. А теперь вот один лишь бог знает, что будет с беднягой за железным занавесом...

В пути Роффи усиленно размышлял о том, каким образом, придерживаясь принципов издателей и редакции, преподнести читателям каждый день новую сенсацию из этой загадочной страны коммунистов. С редактором он договорился написать тридцать статей уже по возвращении в «свободный мир», после месячного пребывания в Москве. Следовательно, каждый день ему предстоит собирать материал для одной статьи. Роффи должен быть одновременно расторопным репортёром и плодовитым сочинителем. Он должен угодить хозяйским вкусам так, как никогда прежде не угождал. Короче, он должен будет на практике продемонстрировать то, что в теории называется у нас свободой печати...

* * *

Первую ночь в Москве Виржилио Роффи спал почему-то очень хорошо в ловящем удобном номере подозрительно первоклассного отеля. Проснувшись, он задумался:

Феличе КИЛАНТИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В МОСКВЕ

«Можно ли попросить принести завтрак в номер?» На столе стоит телефон, а сотрудники бюро обслуживания, как он установил, говорят на разных языках. Наконец, с трудом подавив страх, он решил выглянуть в коридор. Около дверей стояли его до блеска начищенные штиблеты. «В Москве чистят обувь?!» Он тут же поспешил занести в блокнот это поразительное открытие. Ещё раз заглянув в коридор, Роффи заметил у окна человека в кресле с газетой в руках. Он усмехнулся: «Тайный агент. Притворяется читающим. Обычная маскировка. Меня не проведёшь!»

Теперь другая задача: как выбраться незамеченным из номера? Кое-как расхрабрившись, Роффи вышел на площадку. «Агент» уже спускался с лестницы под руку с какой-то дамой.

«Как он узнал, что я выхожу из комнаты? — ужаснулся Роффи. — Впрочем, всё понятно. В номере установлена сеть потайных аппаратов, передающих даже мысли... Записать!»

И всё же холодный пот выступил у него на лбу.

В эту минуту крайне симпатичная белокурая горничная пригласила его в столовую. Усевшись за столик, он, к своему немалому удивлению, вдруг спокойно и плотно позавтракал и даже выпил изрядную порцию водки (кстати, «водка» было единственным понятным ему русским словом).

Почувствовав себя совсем уже храбрым и даже как будто бы весёлым, асс миланских журналистов, нетвёрдо шагая, пустился в путь по улицам Москвы. Он тотчас проникся всей ответственностью своей миссии: он представляет западную цивилизацию! И всё, что он видит вокруг, делается, вероятно, специально и только для того, чтобы ввести его в заблуждение.

Роффи несколько раз пересёк Красную площадь, прошёлся по широким и красивым улицам, каких нет ни в одном из городов Италии. Шумел нескончаемый поток пешеходов, мимо пронеслись сотни автомобилей: такси, роскошные лимузины, вместительные автобусы...

Роффи забрёл в зелёный, весь в цветах скверик, уселся на скамейке и огляделся. По песчаным дорожкам гуляли женщины с детскими колясками. Мимо, направляясь к университету, прошла группа студентов. Юноши и девушки, хорошо одетые и жизнерадостные, громко разговаривали, весело смеялись.

«Смеются! — в смятении отметил Роффи. — Но почему?»

И тут великолепная мысль внезапно осенила его. Он вспомнил, что в советских вузах изучают марксизм-ленинизм, эту страшную науку о революции...

«Они смеются, потому что ещё не попали в мрачные аудитории марксистского университета! Они громко разговаривают, ибо в стенах учебных заведений осуждены на молчание и имеют право говорить только шёпотом. Они смеются, потому что молоды и ещё не представляют себе, в каких ужасных условиях они будут прозябать по окончании университета... Всё ясно!»

Когда он снова двинулся по улицам Москвы, было уже за полдень. В переполнен-

Год рождения

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Солнечным утром весенним
Город цветами расцвёл.
В это весеннее утро
Я с другом по улицам шёл.
Радостные картины
Видели мы вокруг.
Вот повезли в деревню
Блещущий сталью плуг.
Вот фабрика над рекою
Грохочет, шумит, стучит.
И стук этот лучшей музыкой
Для наших сердец звучит.
А небо над нами безоблачно,
И ласков солнечный свет.

И вдруг я спросил у товарища:
— Скажи-ка, сколько мне лет?

Взглянул на меня мой товарищ:
Давно на висках седина,
Морщины на лбу...

— Наверно,

Тебе шестьдесят, старина!
Ведь ты ещё помнишь, как строили
Фабрику над рекой.
Полвека на этой фабрике
Работал ты день-деньской.

— Верно и всё же неверно,—

Я другу в ответ говорю.

— Отныне мы возраст свой мерим

По новому календарю.

Год рождения нашего

Германия назовёт:

Сияет в её истории

Май. Сорок пятый год!

— Так, значит, мы оба молоды!—

Сказал мне с улыбкой мой друг.

И было особенно крепким

Пожатие наших рук.

Перевёл с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ.

— Снижение цен в СССР усилило недовольство населения политикой...

— Скорее в набор! Печатаем!

ных товарами магазинах толпилось много народу.

«Ага!» — обрадовался Роффи.

И в блокноте появилась новая запись: «Недостаток товаров в магазинах столь велик, что всюду стоят громадные очереди».

Возвратившись с прогулки, Роффи первым делом зашёл в ту же столовую. Заняв столик, он тщательно сложил напечатанное на папиросной бумаге меню и воровато спрятал его в карман: «Это будет настоящий документ на русском языке!»

Заметив, что соседи с изумлением взглянули на него, Роффи окончательно убедил себя — или, вернее, решил убедить читателей, — что за ним постоянно следят «агенты советской полиции» и что меню ресторанов в СССР являются сокровенной тайной для иностранцев. А выпив ещё две стопки таинственной водки, он уже совершенно ясно представил себе заголовок своей статьи, набранный на всю полосу:

МЕНЮ РЕСТОРАНОВ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Словом, как бы там ни было, материал для первой статьи о первом дне пребывания в Москве готов!

Захмелевший Роффи самодовольно улыбался. Он был убеждён, что внёс достойный вклад в свободную, правдивую и объективную информацию о Советской стране, ежедневно изрыгаемую буржуазной печатью Италии.

Сокращённый перевод с итальянского
из журнала «Вне нуове».

— Но, сэр, недовольство нашего населения, политикой нашего правительства.

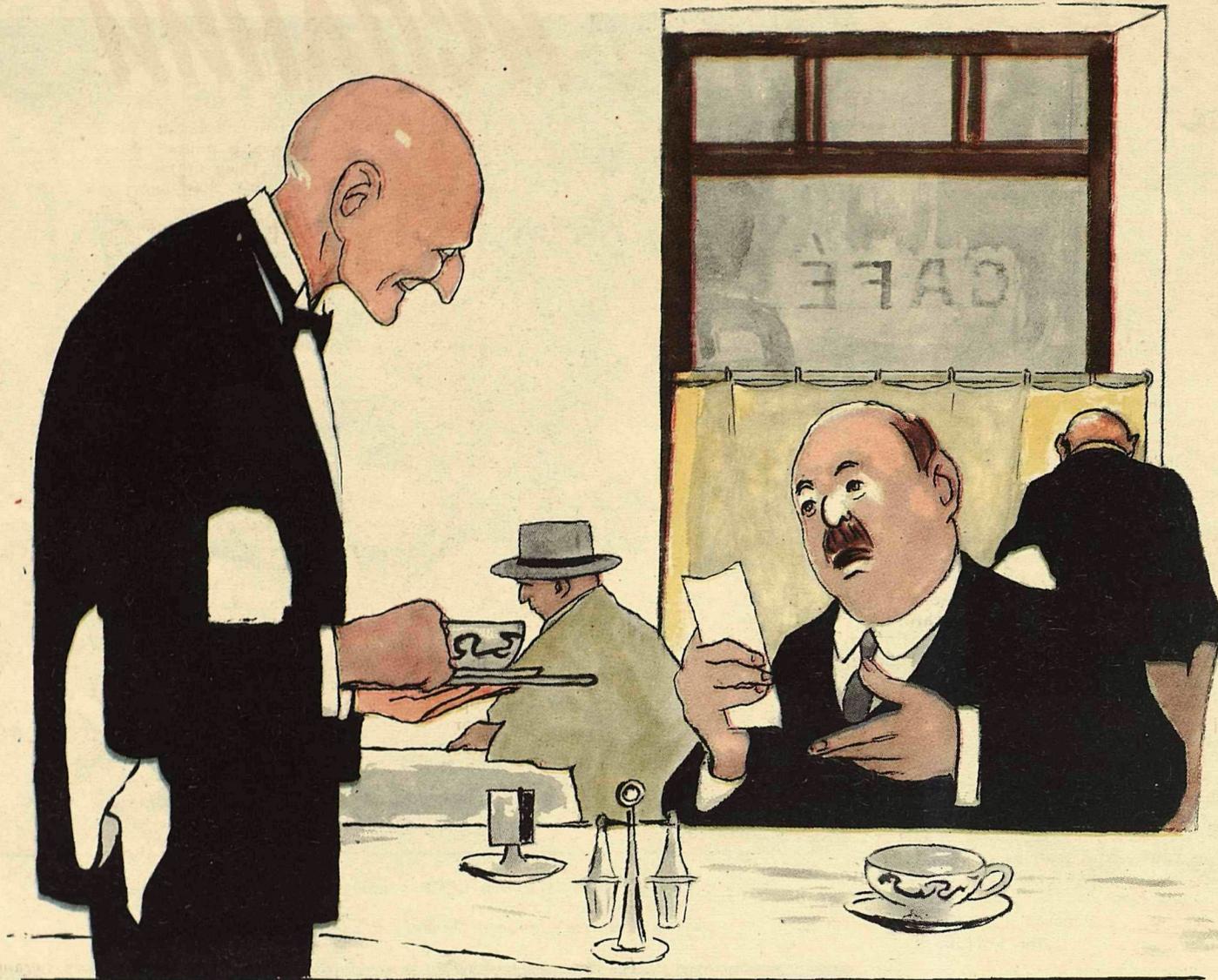

— На этом фоне вы выглядите совсем прилично.

Бор. Ефимов - 53.

Рис. Л. БРОДАТЫ

Даже в официальных документах ООН признаётся, что средняя стоимость жизни в капиталистических странах только за один 1952 год возросла на 5,2 процента.

— Простите, когда я заказывал обед, он был дешевле!..
— Да, сэр, но ведь это было час назад...

— Нужна большая выдержка, чтобы заснять взятие этой высоты.

КОРОТКО, НО ЯСНО!

АКАДЕМИКИ-КОЛОНИЗАТОРЫ

Как передаёт парижское радио, недавно состоялось очередное заседание французской Академии колониальных наук (есть и такая). Обсуждался вопрос о положении или, вернее, о поражениях во Вьетнаме.

Председательствовавший, не покраснев, заявил, что «деятельность Франции с XVIII века всегда была направлена на защиту Вьетнама от иностранных посягательств».

Итак, защита от посягательств при помощи посягательств. Вот к чему привела академик-колонизаторов попытка создать агрессивологию без элементарной логики!

ЛЮБИМЧИК

Мюнхенская газета «Зюдлейче пейтунг» пишет, что «благодаря своему усердию и хорошему поведению» боннский канцлер Аденауэр стал играть «роль первого ученика в европейском старшем классе».

Комплимент сомнительный. Правда, выскочка Аденауэр в самом деле беспрекословно послушен своему учителю и старательно выполняет все его задания. Однако можно с уверенностью сказать, что по истории этот старшекласник является безнадёжным двоечником: уроки истории не идут ему впрок.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Официальная информация о положении английских трудящихся характерна тем, что она главным образом дезинформирует своих читателей. Но вот — редкий случай! — лондонское радио вдруг призналось, что стоимость жизни в Англии повысилась с 1946 года в полтора раза. Откуда такая откровенность?

Оказывается, парламент всерьёз обсуждает вопрос о повышении жалованья депутатам на пятьдесят процентов, что соответствует росту дороговизны.

Англичане с тревогой следят за исходом прений: не начнут ли окрепшие после повышения жалованья в полтора раза парламентарии ратовать за снижение заработной платы английских трудящихся с удвоенным рвением?

НЕЗАСЛУЖЕННОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ

Недавно видный западногерманский социал-демократ Альберц жестоко раскритиковал позицию Крафта, председателя профашистской партии «Общегерманский блок».

— В конце концов «Общегерманский блок» должен решить, будет ли он поддерживать политику федерального правительства или же точку зрения социал-демократической партии! — кричал возмущённый Альберц. — «Общегерманский блок» можно сравнить с маленькой собачонкой, которая не может решить, куда ей бежать — направо или налево!

Какое незаслуженное оскорбление! Ведь Крафт не устаёт говорить о том, что руководимая им партия в основном поддерживает политику ремилитаризации (с благородной увёрткой: «При условии оказания помощи социаль-слабым слоям населения»).

Ремилитаризация с демагогическими оговорками — разве это не точка зрения правого руководства социал-демократической партии? Уж если быть справедливым и прибегать к аналогиям, то почему бы не сказать, что маленькая «общегерманская» собачонка бежит прямо, как раз по следам социал-демократической овчарки? И разве поверит кто-нибудь, что между ними существует принципиальный разнолай?

Хулио МАТЕУ

Письмо из ИСПАНИИ

Я живу во франкистской Испании,
В стране демократии и процветания.
Любые свободы, как кажется мне,
С избытком имеются в нашей стране.

Я утверждаю, что у народа
Есть политическая свобода:
Смотрим свободно на солнышко мы
Через решётки могильной тюрьмы.
Смотрим, да брови от радости хмурим.
Франко настроил множество тюрем.
Чем не блаженство, чем не жилище?
Тут и постель и бесплатная пища.
Отбыл свой срок заключённый и выбыл,
Снова любые свободы на выбор:
Можешь ходить по испанским просторам
Под полицейским строгим надзором,
Можешь условно считаться свободным,
Можешь вставать и ложиться голодным.
Если ты этому счастью не рад,
Можешь свободно вернуться назад.
Выбери время для явки любое:
Тюрьмы работают без перебоев.

Нам гарантирован ряд демократий:
Свобода слова, свобода печати.
При полицейском можешь свободно
Думать о Франко всё, что угодно,
Как бы ни хмурился стражник глазастый.
Словом свободным славен наш край:
Можешь знакомому вымолвить «здравствуй»,
Можешь сказать без опаски «прощай».
Тёмною ночью, набравшись отваги,
Можешь ты мысль излагать на бумаге.
Но от цензуры писания эти
Должен держать в совершенном секрете.

Кроме указанных, есть у народа
Экономическая свобода.

Бродят испанцев несметные тыщи
В поисках крова, работы и пищи.
Рот их свободен, и круглые сутки
Ветер гуляет в свободном желудке.
А в Барселоне имеются даже
Дети испанцев в свободной продаже.
Вдумайтесь в строки страшные эти:
Дети в продаже...

Бедные дети!
Мальчик ли, девочка ль — различия нет:
Стоимость твёрдая — сотня пезет.
Цены такие указаны, кстати,
В официальной франкистской печати.
Низкие цены, низкие...

Всё же
Кукла примерно в два раза дороже.
Вот как торговля поставлена тонко:
Кукла дороже живого ребёнка...

Франко, чтоб жизнью доволен был каждый,
Гвардию создал из ангелов-граждан.
Эта гражданская гвардия всюду
Чутко относится к бедному люду:
Ангелы гвардии кротко и мило
Нас отправляют на отдых в могилу...

Вот о каких демократиях я
Вам говорил, дорогие друзья.

Франко кровавый — заморский слуга.
Нет у народа свирелей врага.
Он, маскируясь, меняет осанку,
Он в благородную позу встаёт...

Нет, никогда со свободами Франко
Не примирится испанский народ!

Перевёл с испанского
Ричард САРЦЕВИЧ.

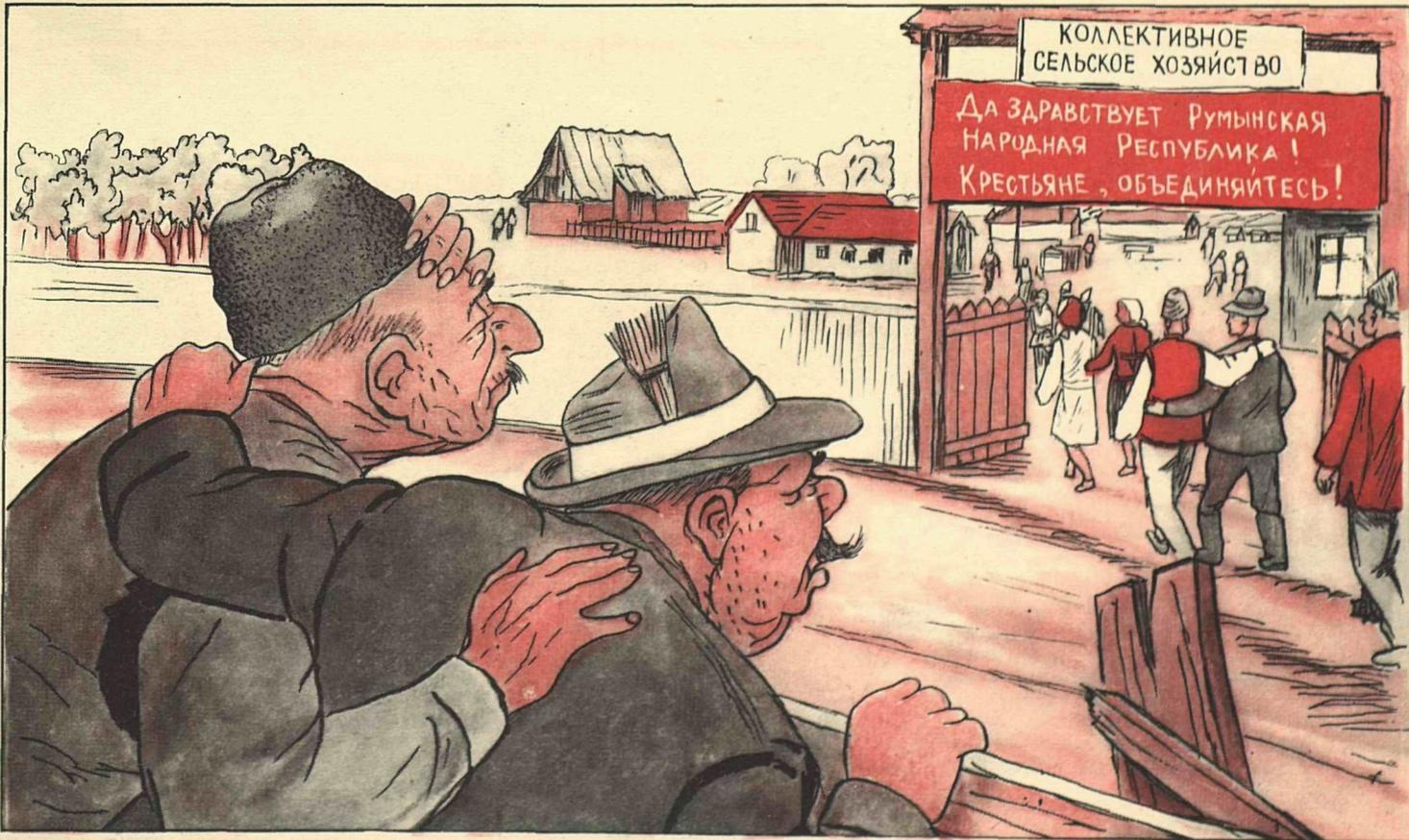

— Ничто мне
с вами сделать?
У вас всё вре-
мя раздваи-
вается лицо.

Рисунок из румынского сатирического журнала «Урзина».

Румынские кулаки, стремясь сорвать организацию коллективных хозяйств, тщетно пытаются разжечь национальную вражду среди крестьян различных национальностей.

— Проклятье! Национальности разные, а путь у них один...

Рис. А. БАЖЕНОВА

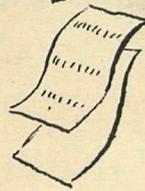
— Что нам нужно, чтобы победить в соцсоревновании!
— Прежде всего вспомнить, кого мы вызвали на соревнование.

КИНОСТУДИЯ

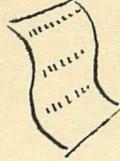

— А вы чего ожидаете? Вы сами снимаете...

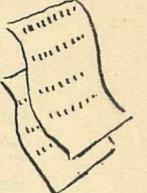
НАПЕЧАТАНО и с тлеющей содой

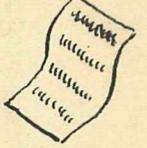
В печатном органе районном
(Названия я не приведу)
Простора много фельетонам,
Сатира здесь в большом ходу.

Над фельетоном сверху — марка,
Не скажешь, что огня в нём нет.
Но тем, кто огоньком задет,
Ничуть ни холодно, ни жарко.

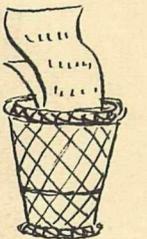
Прочли в районе фельетон,
Отметив достижения в стиле:
— Вот прохватили! Ай, силён! —
И... в долгий ящик опустили.

А у «прохваченного» вид
Невозмутим. И даже втрое,
Заметно, вырос аппетит
У фельетонного героя.

И он не ищет новых мест:
Ему в районе безопасней,
Привольнее, чем Васке в басне,
Который «слушает да ест».

* * *

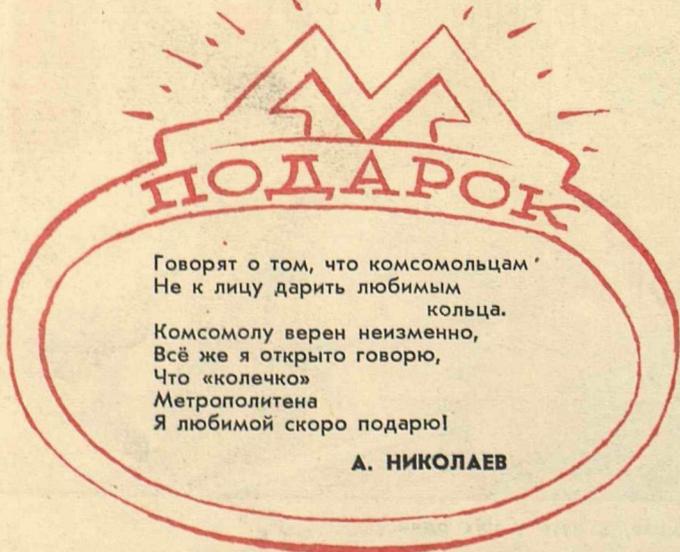
Увы, сатира там безвредна
(Подшивка подсказала нам),
Где с полосы исчез бесследно
Отдел газетный «По следам!»

ВЕРХ ВЕЖЛИВОСТИ

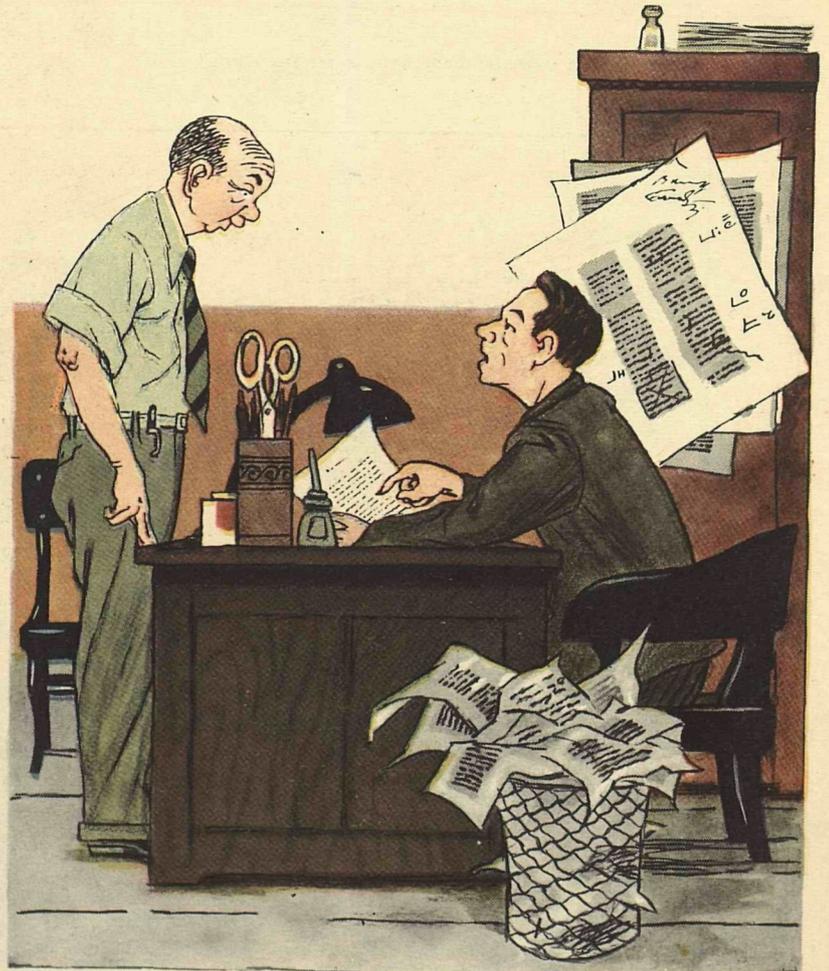
Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Я — за смех! Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...
Юрий БЛАГОВ

Говорят о том, что комсомольцам
Не к лицу дарить любимым
кольца.
Комсомолу верен неизменно,
Всё же я открыто говорю,
Что «колечко»
Метрополитена
Я любимой скоро подарю!
А. НИКОЛАЕВ

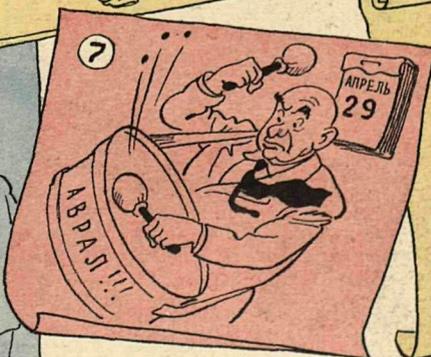

— Почему вы не указываете в своей статье конкретных виновников!
— Уверю вас, они не обидятся...

КРОКОДИЛИНА

Рис. Г. ВАЛКА

В свободные клетки напишите буквы так, чтобы получились слова, соответствующие содержанию рисунков.

1. ОЧКОВАТИВАТЕЛЬСТВО, 2. РОТОВЕИ, 3. ВЗ-
ЛОЧНИК, 4. ЯЕДСТВО, 5. ПОДКАЛАН, 6. ВОЛТ, 7.
ПШУРАМОШНА, 8. КИНОШИС, 9. СЕМЕН-
СТВЕННОСТЬ, 10. КЛЕВЕТИНИК.

28
53

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 325. Подписано к печати 22/IV 1953 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 02230. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1114. Тираж 350 000 экз.

ФАЛЬШИВОГАЗЕТЧИКИ

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат: экзempl.
1953 г.

5575 №

Рис. КУКУРЫНИНСКИЙ
-9 МАЯ 1953
40